

Н. Н. Страхов

(1828--1896)

Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова.-- М.: Современник, 1984.-- (Б-ка "Любителям российской словесности").
OCR Бычков М. Н.

В истории общественного сознания вообще и в истории литературы в частности есть деятели, которые, внешне вроде бы не выходя на первый план, играют роль гораздо более существенную, чем принято обычно думать. Так, вряд ли может быть всесторонне понято второе полустолетие в развитии русской литературы XIX века с центральными для него фигурами Достоевского и Толстого без учета жизни и деятельности Николая Николаевича Страхова. "Да половина моих взглядов -- ваши взгляды" {Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Спб., 1883, с. 238.}, -- сказал Страхову Достоевский. Правда, сообщил об этом сам Страхов. Но возможное подозрение в преувеличении отпадает, если мы учтем хотя бы то, что писал Страхову другой его великий современник, правда, в меньшей мере, чем Достоевский, соратник, но, может быть, еще в большей мере друг -- Лев Толстой: "Нынче я говорил жене, что одно из счастья, за которое я благодарен судьбе, это то, что есть Н. Н. Страхов" {Толстой Л. Н. Собр. соч. в 20-ти т., т. 17. М., 1965, с. 89.}. Это писалось вскоре после их состоявшегося в 1871 году знакомства (переписка Толстого со Страховым завязалась немного раньше), а именно в сентябре 1873 года. Через четыре года Толстой назовет Страхова единственным духовным другом {См.: там же, с. 461.}. И это понятно: ведь еще через много, почти через двадцать лет он снова скажет о сближении со Страховым "самыми основами" {Там же, т. 18, с. 78.}.

Человек устойчиво консервативных взглядов, принимавший активное участие в бурных журнальных полемиках 60-х годов прошлого века, Страхов и тогда и позднее неизменно занимал правые позиции, выступая постоянным оппонентом революционно-демократических критиков. Кстати, и отношения его с Толстым и с Достоевским тоже отнюдь не были идиллическими, предполагали расхождения, иногда длительные, и рождали споры, подчас резкие.

Деятельность Страхова была разнообразной, но известен он прежде всего как литературный критик. Эта критика, естественно, тесно связана с его общемировоззренческими основами и с позицией, которую он занимал в общественной борьбе того времени. Что же внес Страхов в русскую критику? Что позволяет увидеть и понять в общественно-политических боях и литературных столкновениях прошлой эпохи, чем интересна, поучительна его литературно-критическая деятельность?

Русская литература в пору становления национального сознания после 1812 года рождала ряд громадных обобщающих явлений. Так было в самых разных сферах и на разных уровнях: Крылов -- в басне, Грибоедов -- в драме, Кольцов -- в песне. И конечно, все так или иначе к себе сводящий и все покрывающий -- Пушкин. Пушкин же определил и дальнейшее развитие русской литературы, уже всю ее, пусть иногда в зерне, в зародыше, в наброске, в себе заключая. "Он,-- писал Страхов, -- один есть полный образ русской души, но лишь в очерке, без красок, которые лишь потом являются в пределах его очертаний" {В кн.: Сочинения Аполлона Григорьева, т. I. Спб., 1876. с. VIII.}. Последующее художественное развитие будет и более сложным, и более детальным, и более противоречивым.

В пушкинскую эпоху все подлинно великие писатели в общем стоят по одну сторону. В послепушкинскую определились такие противостояния, когда мы видим часто и по многим пунктам разведенных, например, Некрасова и Фета. Добролюбов в понимании и истолковании написанного Тургеневым романа "Накануне" решительно расходится с самим Тургеневым. Достоевский оказывается энергичным оппонентом Добролюбова и т. д. и т. п. Тем не менее те же Некрасов и Фет сознают единую от Пушкина идущую родословную, каждый не без основания претендует на часть пушкинского наследия.

Нечто подобное, конечно, в иной форме и степени, но все же имело место и в русской критике. При начале новой русской критики, великой критики великой литературы стоит колоссальная фигура Белинского. Он стал для нашей критики тем, чем был Пушкин для русской литературы, он был Пушкиным нашей критики. Многие явления русской критической мысли оказались в пору обострившейся социальной борьбы середины века разведенными и противостоящими. Проще обстоит дело с пониманием позиции критиков однозначно реакционных, подчас откровенно рептильных. Но все усложняется, когда мы подходим к таким фигурам, как Страхов или Дружинин, подходим с желанием понять, в частности, и